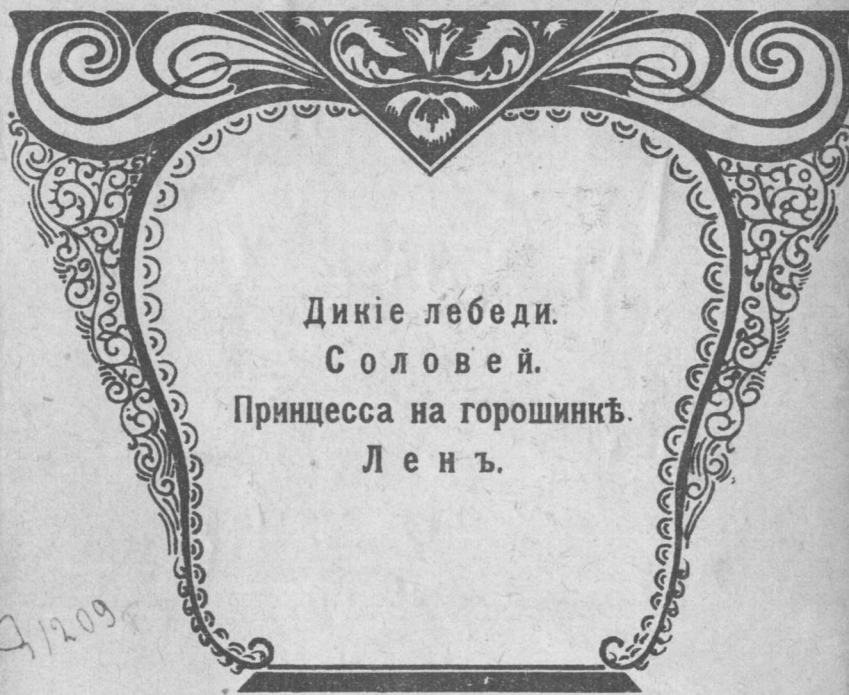

2646
65

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА

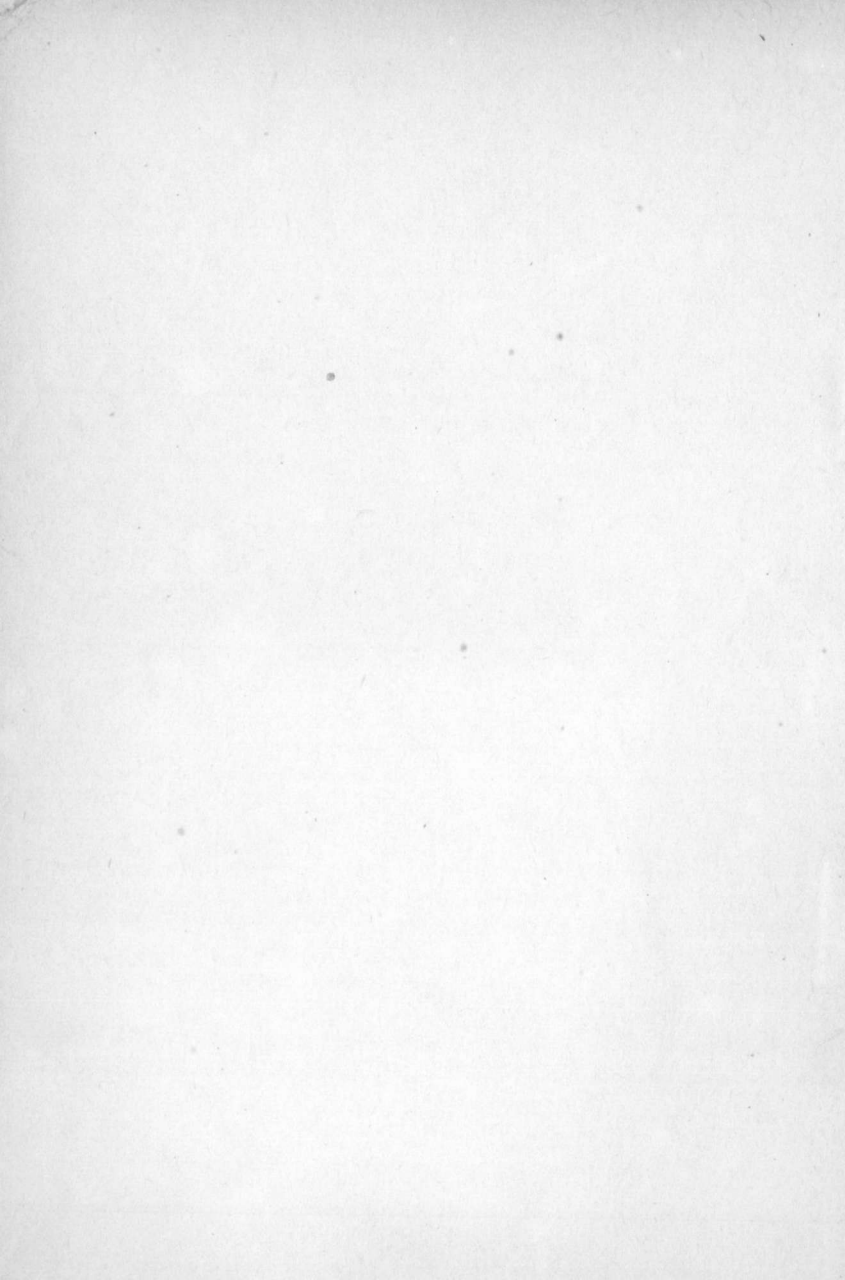

Дикіе лебеди.
Соловей.
Принцесса на горошинкѣ.
Л е н ъ.

71209

1918.

ЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ. МОСКВА

25618

A-1209

икіе лебеди.

То, что я хочу рассказать, случилось очень давно въ странѣ, гдѣ растутъ апельсиновые деревья, и солнце круглый годъ грѣетъ одинаково тепло и ярко. Король той страны былъ вдовъ и имѣлъ одиннадцать прекрасныхъ сыновей и маленькую дочку-красавицу, Элизу. Дѣти мирно росли вмѣстѣ, играя другъ съ другомъ, и не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что на свѣтѣ, кромѣ свѣтлой радости, существуетъ еще и темное, мрачное горе.

Но скоро имъ пришлось узнать его. Король задумалъ жениться второй разъ; въ этомъ еще не было бы бѣды, если бы, къ несчастью, вторая жена короля не оказалась злой колдуньей. Она съ самаго начала не влюбилась въ него и стала всячески мучить ихъ.

Прежде всего, она постаралась освободиться отъ сыновей. Не было такой небылицы, которой она не взводила бы на нихъ, только бы очернить ихъ въ глазахъ короля. Когда же ей дѣйствительно удалось сдѣлать это, и король совершенно охладѣлъ къ сыновьямъ, она своимъ колдовствомъ обратила ихъ въ дикихъ бѣлыхъ лебедей.

— Ну, а теперь летите прочь и кормите сами себя!— съ злобнымъ смѣхомъ кричала она, махая руками и прогоняя лебедей.— Довольно вамъ объѣдать насъ!

И бѣдные лебеди, грустно взглянувъ на родной дворецъ, взмахнули своими большими крыльями и парно полетѣли прочь, туда, гдѣ виднѣлся большой темный лѣсъ.

Теперь очередь дошла и до Элизы. Такъ какъ отецъ любилъ ее больше сыновей, то мачеха побоялась превратить ее въ дикаго лебедя. Въмѣсто того, она уговорила короля отослать ее на воспитаніе въ семью поселянъ въ сосѣднюю деревню. Тамъ и жила бѣдная дѣвушка до тѣхъ поръ, пока ей не исполнилось пятнадцать лѣтъ. Во всей странѣ не было дѣвушки красивѣе и добрѣе ея; шаловливый вѣтеръ всегда съ особенной любовью игралъ ея волосами, а розы сами протягивались къ ней, когда она наклонялась понюхать ихъ. И всѣ, кто только встрѣчалъ ее, невольно останавливались и долго съ восхищеніемъ смотрѣли вслѣдъ ей.

Однако, старый король все время сильно скучалъ объ Элизѣ, и, когда ей исполнилось 15 лѣтъ, приказалъ мачехѣ, чтобы она во что бы то ни стало вернула ее во дворецъ. Скрѣпя сердце, выполнила королева его приказаніе и послала за Элизой.

Но, когда она увидала красоту Элизы, гнѣвъ и злоба еще больше овладѣли ею. Она хотѣла сначала околдовать ее, но ея колдовство оказалось недѣйствительнымъ надъ молодой невинной дѣвушкой. Тогда королева пустилась на новую хитрость: она вымазала Элизу сокомъ лѣсныхъ орѣховъ, такъ что ея кожа сдѣлалась совсѣмъ смуглой, а потомъ особой гадкой мазью испортила ея лицо.

Послѣ этого она показала ее королю. Тотъ въ ужасѣ замахалъ руками при видѣ ея и заявилъ, что это не его дочь. А королевѣ только этого и надо было;

она сейчасъ же приказала своимъ служанкамъ вывести Элизу въ темный лѣсъ и тамъ оставить одну.

Горько, горько заплакала Элиза, когда осталась одна поздней ночью въ лѣсу. Долго она бродила безъ всякой цѣли взадъ и впередъ, пока, наконецъ, ноги ея не подкосились отъ усталости, и она не упала на мягкій мохъ. Сонъ тотчасъ же смежилъ ея усталыя очи, и она заснула крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Горячіе лучи солнца, пробившіеся сквозь листву деревьевъ, разбудили ее на слѣдующее утро. Вставши, она подошла къ свѣтлому ручью, журчавшему неподалеку, и стала мыться; и по мѣрѣ того, какъ чистая холодная вода касалась ея лица, краска сходила съ

него, и скоро кожа ея сдѣлалась такой же бѣлой и нѣжной, какъ была прежде.

Напившись свѣжей воды и съѣвши нѣсколько лѣсныхъ яблокъ, Элиза бодро и радостно двинулась въ глубь лѣса. Птицы радостнымъ щебетаньемъ встрѣчали ее, кустарники, казалось, сами готовы были давать ей дорогу. Такъ шла она долго, сама не зная, куда приведутъ ее ея шаги. Когда ей становилось страшно отъ одиночества, она начинала думать о своихъ братьяхъ, о томъ какъ она найдетъ ихъ, и какъ хорошо заживутъ они снова всѣ вмѣстѣ. Она вѣдь не знала, что злая мачеха превратила ихъ въ лебедей; она думала, что она просто прогнала ихъ изъ дворца, какъ и ее.

Солнце стояло уже высоко, когда Элизѣ попалась навстрѣчу какая-то старушка.

— Матушка!—спросила ее Элиза,—не видали ли вы гдѣ-нибудь поблизости одиннадцати принцевъ? Это мои братья, и я никакъ не могу найти ихъ.

Старушка ласково взглянула своими добрыми глазами на дѣвушку.

— Нѣтъ, я не видала твоихъ братьевъ. Но вчера на рѣкѣ я видѣла одиннадцать бѣлыхъ лебедей съ золотыми коронами на головахъ. Если хочешь, я покажу тебѣ мѣсто, гдѣ я видѣла ихъ. Пойдемъ за мной.

И она быстро привела дѣвушку къ берегу рѣки, извивавшейся среди лѣса, и показала мѣсто, гдѣ сидѣли лебеди. Элиза поблагодарила старушку и пошла вдоль берега рѣки по теченію. Скоро впереди замелькалъ просвѣтъ лѣса, и Элиза, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, вышла изъ него и очутилась на берегу безбрежнаго моря, въ которое вливалась рѣчка. Подойдя къ самой водѣ, она замѣтила на одномъ изъ камней одиннадцать бѣлыхъ лебединыхъ перьевъ. „Вотъ здѣсь я и подожду ихъ; они, навѣрно, къ вечеру прилетятъ сюда“, подумала молодая дѣвушка.

И сѣвъ на камень, она стала глядѣть на морскія волны. Безконечно разнообразныя, онѣ то набѣгали на берегъ, то, разбиваясь, отбѣгали назадъ, оставляя на отмели бѣлую пѣну. И въ ихъ рокотѣ было что-то такое, что успокаивало душу и заставляло забывать все тяжелое и мрачное.

Элиза и не замѣтила, какъ солнце уже начало садиться въ море. Вдругъ сильный шумъ вверху заставилъ ее поднять голову; высоко въ небѣ надъ ея головой летѣли одиннадцать лебедей, вытянувшись въ одну бѣлую ленту. Они летѣли очень быстро, какъ-будто торопились куда-нибудь. Долетѣвъ до земли, они спустились внизъ, и послѣдній изъ нихъ коснулся земли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда багровый дискъ солнца совсѣмъ опустился въ воду.

И въ ту же минуту лебединныя перья спали съ нихъ, и передъ Элизой очутились ея одиннадцать братьевъ.

Нельзя и передать, сколько тутъ было радости и слезъ; Элиза безъ конца цѣловала своихъ милыхъ братьевъ, называла ихъ самыми нѣжными именами, какія только могла придумать. Они тѣсно стояли кругомъ нея, радостно смѣясь и плача въ одно и то же время.

Когда прошелъ первый порывъ радости, братья усадили сестру и, перебивая другъ друга, стали рассказывать ей о себѣ. Цѣлый день отъ восхода до захода солнца имъ приходится летать въ видѣ лебедей, рассказывали братья; но какъ только солнце сядетъ, они вновь пріобрѣтаютъ человѣческій образъ. Но горе имъ, если заходъ солнца застанетъ ихъ надъ какой-нибудь пропастью или надъ пучиной моря: превратившись въ людей, они упадутъ внизъ и, или расшибутся до смерти, или утонуть!

— И вотъ, видишь,—добавилъ старшій братъ,—черезъ недѣлю намъ нужно летѣть отсюда на тотъ берегъ

этого моря, а это страшно далекий путь, и его можно перелетѣть только въ два дня. И какъ разъ на половинѣ пути есть маленькая скала, выдающаяся въ море; и мы должны при нашемъ перелетѣ обязательно долетѣть къ концу перваго дня до этой скалы,—иначе мы погибнемъ. Теперь намъ нужно подумать, какъ намъ взять тебя съ собой.

Долго думали братья и, наконецъ, рѣшили, что они сплетутъ изъ ивовыхъ прутьевъ сѣтку, въ которую сядетъ Элиза. Они же возьмутъ эту сѣтку въ свои клювы и такъ понесутъ ее черезъ море.

Они такъ и сдѣлали. Цѣлую недѣлю они по ночамъ плели эту сѣтку, и къ концу седьмого дня она была уже совершенно готова. Элиза съ вечера легла на нее, а когда она на слѣдующее утро проснулась, то солнце стояло уже высоко на небѣ, и подъ ней разстилалась безконечная водная гладь моря. На ея груди лежало нѣсколько фруктовъ, припасенныхъ заботливыми братьями; десять лебедей, держа въ своихъ клювахъ концы сѣтки, несли ее, а самый младшій, одиннадцатый, летѣлъ надъ ней, защищая ее своими крыльями отъ палящихъ лучей солнца.

Быстро, быстро летѣли лебеди, но все-таки медленнѣе, чѣмъ обыкновенно, ибо теперь вѣдь они несли на себѣ тяжелую ношу. Солнце уже начало склоняться къ западу, и небо все покрылось тучами, предвѣщавшими бурю, а островка все еще не было видно. Лебеди полетѣли еще быстрѣе; но теперь уже они летѣли какъ-то неровно, порывами,—видно было, что всѣ свои силы напрягаютъ они, чтобы поспѣть до заката солнца. А оно уже было совсѣмъ низко. Неужели имъ суждено погибнуть въ волнахъ начавшаго бушевать моря? Лебеди летѣли теперь совсѣмъ низко надъ водой, такъ что брызги волнъ долетали до Элизы. Со страхомъ въ душѣ слѣдила она за дискомъ опускавшагося въ море

солнца; вотъ уже совсѣмъ узкій край его остался надъ поверхностью. Еще минута, и темное море поглотить ихъ всѣхъ...

Вдругъ передній лебедь испустилъ радостный крикъ—впереди, совсѣмъ близко виднѣлся сѣрый выступъ скалы. Послѣдніе сильные взмахи крыльевъ, и лебеди спускаются къ нему какъ разъ въ ту минуту, когда на небѣ погасъ послѣдній лучъ солнца...

Съ трудомъ размѣстились всѣ они на узкой скалѣ, нѣсколько разъ волны чуть-чуть не уносили ихъ съ собой въ море, но ночь прошла благополучно, и съ первыми лучами солнца они полетѣли дальше.

На этотъ разъ все сошло хорошо, и братья успѣли долетѣть до берега за нѣсколько минутъ до захода солнца. Чудная страна разстилалась теперь передъ ихъ глазами: роскошные лѣса, высокія горы съ красивыми замками на нихъ, лазурное море—все это ласкало взоры и заставляло забывать о всемъ тяжеломъ.

Жилищемъ имъ служила прекрасная пещера, выложенная мягкимъ мхомъ. Съ наслажденіемъ улеглись всѣ они, измученные и усталые, и тотчасъ же уснули сладкимъ крѣпкимъ сномъ.

Подъ утро Элизѣ приснился дивный сонъ. Передъ ней явилась та самая старушка, которую она встрѣтила въ лѣсу, съ пучкомъ крапивы въ рукахъ.

— Ты хочешь спасти своихъ братьевъ,—сказала она,—и ты можешь сдѣлать это, но только тебѣ нужно будетъ много силы и рѣшимости для этого. Видишь эту крапиву? Это особенная крапива—она растетъ только на кладбищахъ, да еще около вашей пещеры. И вотъ, изъ этой крапивы ты должна сдѣлать ткань и изъ этой ткани сшить рубашки для твоихъ братьевъ.

Крапива будетъ жечь тебя, твои руки покроются ожогами и волдырями, но ты должна перетерпѣть это. И кромѣ того, все время, пока ты будешь работать, ты

не должна произносить ни слова, иначе вся твоя работа будет бесполезна. Но если ты выполнишь все, что я говорю тебѣ, то въ ту минуту, какъ ты одѣнешь эти рубашки на твоихъ братьевъ, колдовство спадетъ съ нихъ, и они превратятся опять въ людей.

Съ этими словами старушка исчезла, а Элиза въ страхъ и смущеніи проснулась. И, о чудо, у нея ногъ лежалъ пучокъ крапивы, бывший въ рукахъ у старухи! Около пещеры росло много такой же крапивы.

Братьевъ не было въ пещерѣ, они уже улетѣли за пищей, и Элиза, не размышляя больше, сейчасъ же принялась рвать крапиву. Острые волоски ея вонзались въ бѣлыя, нѣжныя руки Элизы, вызывали слезы на ея глаза, но она твердо продолжала свою работу.

Вечеромъ, когда прилетѣли лебеди, руки ея всѣ были въ волдыряхъ; съ изумленіемъ смотрѣли братья на ея работу, а, когда съ закатомъ солнца они превратились въ людей, то обступили ее и начали тревожно спрашивать, что случилось съ ней. Но Элиза, помня слова старухи, ни слова не отвѣчала имъ, и тогда братья поняли, что она дѣлаетъ это для ихъ спасенія. Растроганные и благодарные, они начали покрывать поцѣлуями ея покраснѣвшія, израненныя руки, и каждый поцѣлуй ихъ облегчалъ ея боль.

На слѣдующее утро, какъ только лебеди улетѣли, Элиза опять принялась за свою работу. Вдругъ въ горахъ, совсѣмъ недалеко отъ пещеры, послышались звуки охотничьихъ рожковъ. Звуки все приближались и приближались, слышался лай собакъ, и скоро нѣсколько ихъ выпрыгнуло изъ кустовъ на площадку передъ пещерой. Элиза хотѣла быстро спрятаться, но уже было поздно. Лай собакъ, увидѣвшихъ Элизу, привлекъ къ пещерѣ и охотниковъ. Одинъ изъ нихъ, съ золотой короной на головѣ, подошелъ къ ней, съ восхищеніемъ любуясь ея красотой.

— Откуда ты, прелестное дитя, и что дѣлаешь ты здѣсь? Не бойся меня, я король этой страны и ничего, кромѣ добра, не сдѣлаю тебѣ. Хочешь итти вмѣстѣ со мной во дворецъ? Тамъ на тебя надѣнуть золотую корону, и ты будешь моей супругой.

Видя, что Элиза ничего не отвѣчаетъ, король рѣшилъ, что она нѣмая и, обернувшись къ своимъ спутникамъ, приказалъ имъ посадить ее на лошадь и отвезти въ замокъ. Тѣ исполнили приказаніе короля, и Элиза, несмотря на свои слезы, была привезена во дворецъ. Чтобы утѣшить ее хоть сколько нибудь, король приказалъ захватить нарванные Элизой пучки крапивы и сшитыя ею крапивныя рубашки. Все это было помѣщено въ особой комнатѣ дворца, и Элиза могла бывать въ этой комнатѣ, сколько хотѣла. Она сейчасъ же съ радостью принялась за продолженіе своей работы, запираясь для этого по ночамъ въ комнатѣ.

Между тѣмъ ея красота, ея чудные, невинные голубые глаза все больше и больше очаровывали короля и весь его дворъ. Только одинъ человѣкъ, духовникъ короля, не влюбилъ Элизы. „Это просто вѣдьма,—говорилъ онъ королю,—опутавшая васъ своимъ колдовствомъ“. Но всѣ его слова были напрасны, и черезъ нѣсколько дней онъ самъ долженъ былъ вѣнчать ее съ королемъ.

Элизѣ съ самаго начала понравились добрые глаза короля, и ей было очень больно и грустно, что она не можетъ отвѣтить на его участливые вопросы и раскрыть ему тайну своего молчанія и своей работы.

А работа ея быстро подвигалась впередъ; лишь только король засыпалъ, она неслышно проскальзывала въ свою комнату и тамъ пряла до самаго утра. Пробуждаясь, король видѣлъ ее уже около себя. Седьмая рубашка приближалась къ концу, какъ вдругъ Элиза съ ужасомъ замѣтила, что у нея вышла вся крапива.

Что дѣлать ей? До пещеры, гдѣ росла нужная ей крапива, было очень далеко, а попросить короля о томъ, чтобы онъ отпустилъ ее туда, ей было нельзя, ибо она вѣдь не могла говорить. Остается одно: поздней ночью, когда всѣ спятъ, незамѣтно прокрасться на ближайшее кладбище и тамъ нарвать ее. Долго не рѣшалась Элиза, но воспоминаніе о милыхъ братьяхъ разсѣяло ее колебанія.

Слѣдующей же ночью она пошла на кладбище. Темно и ужасно было тамъ: сильный вѣтеръ пригибалъ къ самой землѣ верхушки деревьевъ, и деревья скрипѣли, наполняя кладбище страннымъ шумомъ. Блуждающіе огоньки мелькали среди могильныхъ крестовъ, и въ ихъ трепетномъ красноватомъ свѣтѣ было видно, какъ дикія вѣдьмы, съ распущенными волосами, разлетавшимися по вѣтру, кружились около могилъ. Иногда онѣ съ дикимъ хохотомъ разрывали могильные холмы и пожирали трупы, находившіеся тамъ.

Дрожа отъ страха и не оглядываясь на нихъ, рвала Элиза свою крапиву, а онѣ съ дикимъ хохотомъ окружали ее, пытаясь вырвать крапиву у нея изъ рукъ. Элиза сама не помнила, какъ вырвалась изъ этого ужаснаго мѣста и возвратилась во дворецъ. Но теперь у нея опять была крапива, и скоро она кончитъ свою работу!

Однако одинъ человѣкъ видѣлъ, какъ Элиза ходила на кладбище. Это былъ королевскій духовникъ. Онъ сейчасъ же побѣжалъ къ королю и разсказалъ ему о ночномъ путешествіи его супруги. „Твоя жена—колдунья!“—воскликнулъ онъ, заканчивая свой разсказъ.

Но король не повѣрилъ духовнику.—„Когда самъ увижу, только тогда повѣрю этому!“—воскликнулъ онъ. И бѣдный король сталъ слѣдить за своей супругой; съ болью въ сердцѣ увидѣлъ онъ, что она каждую ночь покидаетъ его и до самой зари дѣлаетъ что-то, запер-

шись въ своей комнатѣ. Чего бы только ни далъ онъ, чтобы узнать, что дѣлаетъ она тамъ, чтобы спасти ее.

А Элиза съ тревогой замѣчала, что его лицо съ каждымъ днемъ дѣлается все мрачнѣе и мрачнѣе. Больно и тяжело было ей обманывать любимого человѣка, больно и тяжело было, что никого нѣтъ кругомъ нея, съ кѣмъ она могла бы подѣлиться своей тайной. Если бы

братья хоть разъ прилетѣли къ ней, если бы хоть они знали, гдѣ она и что съ ней! Но вѣдь они не знаютъ ничего, и тоска

о любимой сестрѣ гложетъ имъ ихъ любящія сердца!

Сколько разъ Элиза съ отчаяніемъ опускала свои руки, бросая работу, но каждый разъ новыя силы пробуждались въ ея душѣ, и она снова принималась за нее. Осталась только одна рубашка, но на нее опять не хватило крапивы. Снова пришлось Элизѣ итти на кладбище; но на этотъ разъ король подстерегъ ее. Вмѣстѣ съ духовникомъ видѣлъ онъ, какъ она вошла въ ворота кладбища, слышалъ какой адскій хохотъ подняли вѣдьмы при видѣ ея...

Глухая ненависть и боль отъ обмана вспыхнули въ его груди.

— Такъ пусть народъ судить ее! Я же больше и видѣть не хочу гнусной колдуньи-обманщицы!

И народный судъ приговорилъ Элизу къ сожженію. Ее бросили въ мрачную, сырую темницу, и туда же съ насмѣшками и ругательствами принесли ея рубашки и

нарванную ею на кладбищѣ крапиву. Какъ только дверь захлопнулась за ней, она сейчасъ же бросилась къ крапивѣ и стала кончать послѣднюю рубашку. Вѣдь только одна ночь осталась для нея! Завтра съ восходомъ солнца она умретъ, а вмѣстѣ съ ней умретъ и спасеніе братьевъ. И она не переставая плела свою ткань. Маленькія мышки выбѣгали изъ-подъ пола и, желая облегчить ея работу, приносили къ ея ногамъ отдѣльныя вѣточки крапивы, а на окнѣ сидѣлъ черный дроздъ и пѣлъ веселую пѣсенку, чтобы ободрить ее...

Вдругъ, хлопанье крыльевъ раздалось за рѣшеткой ея окна. То былъ самый младшій братъ ея, который наконецъ-таки нашелъ свою сестру. Нашелъ—да, но слишкомъ поздно! И грустно взглянувъ на нее, лебедь взмахнулъ крылами и улетѣлъ.

Въ ту же ночь, незадолго до разсвѣта, во дворецъ пришло одиннадцать молодыхъ людей, которые потребовали, чтобы ихъ провели къ королю. Но стража не хотѣла пускать ихъ. Вѣдь было еще очень рано, и король спалъ! Но король не спалъ: тоска и горе грызли его сердце и не давали спать. Услышавъ шумъ, онъ вышелъ на крыльцо дворца, но въ эту минуту первый лучъ солнца блеснулъ въ небѣ, и молодые люди внезапно превратились въ бѣлоснѣжныхъ лебедей. Они захлопали крыльями и взвились къ небу.

А за городомъ былъ уже приготовленъ громадный костеръ, и толпа народа запружали послѣдній путь осужденной. Скоро показалась и телѣга, везшая ее на костеръ. Она сидѣла на ней, окруженная своей работой, и торопливо кончала послѣднюю рубашку.

Яростные крики вырвались изъ устъ толпы, когда она увидѣла Элизу. „Вотъ она колдунья! Давайте сюда ея колдовское шитье! Раздеремъ его!“ И толпа хлынула къ телѣгѣ. Уже десятки рукъ протянулись къ шитью, какъ вдругъ съ неба спустились одиннадцать

лебедей и сѣли около Элизы на край телѣги. Толпа, изумленная и напуганная этимъ внезапнымъ появленіемъ, отшатнулась отъ телѣги, а Элиза тѣмъ временемъ быстро накинула рубашки на лебедей. Въ ту же минуту лебеди превратились въ прекрасныхъ принцевъ. Только у послѣдней рубашки, доставшейся младшему брату, не былъ готовъ рукавъ; поэтому у него, вмѣсто одной руки, осталось одно крыло.

— Теперь я могу говорить,—воскликнула Элиза.— Я невинна!

— Она невинна!—подтвердили и братья, обращаясь къ королю, и рассказали ему всю ихъ исторію.

И, какъ бы въ подтвержденіе ихъ словъ, костеръ, предназначенный для Элизы, внезапно превратился въ громадный благоухающій букетъ. И всѣ колокола въ городѣ начали звонить сами собой, громкимъ веселымъ звономъ.

А король съ сіяющимъ лицомъ подошелъ къ смутившейся, покраснѣвшей Элизѣ и крѣпко прижалъ ее къ своей груди.

Я думаю, что здѣсь можно и кончить эту сказку.

О Л О В Е Й.

То, что я хочу рассказать тебѣ—происходило въ Китаѣ, въ этой далекой, полной чудесъ, странѣ.

Тамъ въ большомъ дворцѣ, жилъ китайскій императоръ, окруженный своей блестящей свитой.

Дивно хорошъ былъ дворецъ императора! Весь онъ былъ сдѣланъ изъ самаго тонкаго фарфора, такого хрупкаго и нѣжнаго, что, казалось, легкое дуновение вѣтра могло разрушить его.

И стоялъ этотъ дворецъ въ большомъ прекрасномъ саду. О! что это былъ за садъ! Какихъ только цвѣтовъ не было въ немъ! Красные, бѣлые, желтые... они наполняли весь садъ и восхищали каждаго, кто ихъ видѣлъ... Ихъ ароматъ опьянялъ, ихъ краски ласкали глазъ... Къ самымъ лучшимъ изъ нихъ были привязаны маленькіе серебряные колокольчики, которые звенѣли отъ малѣйшаго прикосновенія и наполняли садъ тихой, нѣжной музыкой. Чудно хорошо все это было!

Далеко, далеко тянулся садъ и выходилъ прямо въ густой, зеленый лѣсъ, стоявшій на берегу глубокаго, синяго моря. Въ этомъ лѣсу, на вѣтвяхъ одного высокаго дерева, склонявшагося надъ моремъ—жилъ соловей. Каждый вечеръ, когда солнце начинало скло-

няться къ западу—онъ вылеталъ изъ своего гнѣзда и пѣлъ. Его чудесный, серебряный голосокъ разливался по всему лѣсу, такъ что рыбаки, выѣзжавшіе на рыбную ловлю, невольно останавливались и, слушая соловья, говорили: „Господи, какъ хорошо“!..

Въ городѣ, гдѣ жилъ китайскій императоръ, пріѣзжало много путешественниковъ со всѣхъ концовъ свѣта. Всѣ они восхищались роскошнымъ дворцомъ, хвалили цвѣты, садъ, но, когда они, гуляя, заходили въ лѣсъ и слышали пѣніе соловья, они всѣ говорили: „А это—лучше всего!“

Возвратившись на родину, путешественники рассказывали о томъ, что они видѣли въ Китаѣ, и прежде всего начинали расхваливать соловья. „Это удивительно! говорили они,—мы никогда не слыхали ничего подобнаго!“ И они посвящали соловью цѣлыя книги, писали стихотворенія, въ которыхъ описывали удивительную птичку, живущую въ лѣсу на берегу моря.

Однажды, одна изъ этихъ книгъ попала въ руки императора. Сидя на своемъ золотомъ тронѣ, онъ читалъ о томъ, какъ прекрасенъ его дворецъ, и съ удовольствіемъ кивалъ головой. Вдругъ онъ прочелъ:—„А соловей тамъ все-таки лучше всего!“

— Что это значить?—удивленно воскликнулъ императоръ.—О комъ это пишутъ? Что это за соловей, который живетъ въ моемъ саду, и котораго такъ хвалятъ? Почему я никогда не слышалъ его?—восклицалъ императоръ и велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ своего главнаго камергера.

Когда камергеръ явился, онъ сказалъ ему:—Оказывается, въ моемъ государствѣ есть замѣчательная птица, которая называется соловьемъ. Про нее пишутъ, что она лучше всего, что есть въ моей великой странѣ. Отчего же я до сихъ поръ ничего не зналъ о ней? Какъ это могло случиться?!

— Я тоже первый разъ слышу объ этой птицѣ,— отвѣтилъ камергеръ,—должно быть, она никогда не была представлена ко двору...

— Я хочу, чтобы она сегодня же вечеромъ была у меня во дворцѣ и пѣла въ моемъ присутствіи! Слышите?—гнѣвно воскликнулъ императоръ. — Подите и сыщите ее!... Камергеръ покорно наклонилъ голову и вышелъ. Но онъ рѣшительно не зналъ, гдѣ искать ему соловья: кого онъ ни спрашивалъ, никто изъ живущихъ во дворцѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о такой птицѣ. Рѣшили, что книги врутъ, и что такой птицы не существуетъ.

— Ваше императорское величество! — сказалъ камергеръ, вернувшись во дворецъ.—Не вѣрьте тому, что пишутъ въ книгахъ, все это одна ложь; васъ обманываютъ, никакого соловья у насъ нѣтъ!..

— Этого не можетъ быть!—воскликнулъ императоръ.—Книгу, въ которой я прочелъ это, прислалъ мнѣ великій японскій императоръ. Значитъ—все написанное въ ней правда!... Итакъ, соловей будетъ сегодня вечеромъ у меня, или я велю колесовать весь дворъ!...

Печальный вышелъ отъ императора камергеръ и снова принялся бѣгать по всему дворцу, спрашивая о соловьѣ. Всѣ придворные приходили въ ужасъ, когда онъ передавалъ угрозу императора колесовать весь дворъ, но, какъ ни старались, не могли нигдѣ найти этого проклятаго соловья.

Вдругъ одна маленькая крестьянская дѣвочка, сидѣвшая въ кухнѣ и слышавшая разговоръ о соловьѣ, сказала:

— О, я знаю его! Каждый вечеръ, когда я ношу обѣдъ моей мамѣ, я долго стою на берегу моря и слушаю, какъ онъ заливается въ кустахъ. Да, онъ такъ поетъ, что плакать хочется и, кажется, всю ночь бы слушала его!...

2646

Страшно обрадовался камергеръ, услыхавъ, что дѣвочка знаетъ соловья, и просилъ ее сейчасъ же свести ихъ къ нему. За это онъ обѣщалъ ей дать хорошую должность въ дворцовой кухнѣ и позволилъ посмотрѣть, какъ императоръ обѣдаетъ.

И вотъ всѣ они отправились въ лѣсъ, гдѣ жилъ соловей!

По дорогѣ они услышали мычанье коровы, и одинъ изъ придворныхъ сказалъ:—А, вотъ и соловей! Ну, какой же у него сильный голосъ, у такой маленькой птички! Однако, мы его и раньше слышали не разъ.

— Да нѣтъ же, это коровы мычатъ! — сказала дѣвочка. — Соловей живетъ въ лѣсу, гораздо дальше.

Черезъ нѣсколько минутъ въ болотѣ раздалось кваканье лягушекъ.

— Чудо, какъ хорошо! — воскликнулъ придворный музыкантъ. — У этого соловья годось совсѣмъ точно серебряный колокольчикъ!

— Но вѣдь это же совсѣмъ не соловей! — засмѣялась дѣвочка. — Это лягушки! Хотя теперь ужъ скоро мы услышимъ и соловья. Слушайте, слушайте! — прошептала она вдругъ. — Вотъ это онъ! Видите — онъ сидитъ тамъ на вѣткѣ! И она указала на маленькую сѣренькую птичку, сидѣвшую на деревѣ и распѣвавшую свои трели.

— Такъ вотъ онъ какой! — удивленно сказалъ камергеръ.

25618.

— Какой некрасивый! Никакихъ красокъ! Навѣрное онъ полинялъ отъ волненія, что видитъ передъ собой такую блестящую свиту,—сказалъ онъ, самодовольно улыбаясь.

— Соловушка!—закричала дѣвочка:—спой-ка что-нибудь этимъ людямъ, они хотятъ тебя послушать!

— Съ удовольствіемъ!—сказалъ соловей и запѣлъ чудную пѣсню.

— Боже мой, какъ хорошо!—тихо восклицали придворные. Это тоньше и нѣжнѣ всякихъ колокольчиковъ!... Посмотрите, какъ работаетъ это маленькое горлышко! О! императоръ будетъ очень доволенъ!..

И они съ удивленіемъ покачивали головами, слушая маленькаго пѣвца. Когда онъ кончилъ, старшій камергеръ обратился къ нему:

— Маленькій искусный соловей! Я имѣю счастье пригласить васъ сегодня вечеромъ во дворецъ. Нашъ всемилостивѣйшій императоръ желаетъ послушать вашъ восхитительный голосъ.

— Правда, я люблю больше пѣть въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, — отвѣтилъ соловей, — но, если императоръ желаетъ этого, я съ удовольствіемъ буду у него. И онъ полетѣлъ вслѣдъ за придворными во дворецъ императора. А тамъ уже все было готово для вечера. Дворецъ былъ весь освѣщенъ тысячами огней, залы убраны, всюду стояли роскошные цвѣты, и всѣ дворцовые колокола звонили, точно въ большой праздникъ.

Императоръ со своей свитой сидѣлъ въ залѣ, и противъ его трона возвышался золотой шестъ для соловья.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали знаменитую птицу.

И вотъ соловей, наконецъ, прилетѣлъ...

Получивъ отъ императора привѣтливый поклонъ, онъ сѣлъ на приготовленный для него шестъ и запѣлъ...

Боже мой, какъ онъ пѣлъ!

Его серебряный голосъ разливался по всей залѣ точно тихая, нѣжная музыка... Всѣ слушали, затаивъ дыханіе, съ изумленіемъ глядя на маленькую сѣренькую птичку, точно не вѣря, что это поетъ дѣйствительно она. А соловей пѣлъ все лучше и лучше... Съ восторгомъ слушалъ его императоръ... Пѣсня соловья проникала ему въ самую душу, вызывая слезы на его глаза.

Старый императоръ плакалъ...

Когда соловей кончилъ, — императоръ хотѣлъ въ награду за его пѣніе повѣсить ему на шею свою золотую туплю, но соловей сказалъ:—Я благодарю императора за эту честь, но мнѣ не надо никакого по-

дарка, такъ какъ я уже и такъ получилъ его: я видѣлъ слезы императора, это — лучшее вознагражденіе для меня. Вѣдь, слезы императора великая и рѣдкая вещь!..

Сказавъ это, соловей собрался было летѣть въ свой лѣсъ, но императоръ просилъ его остаться у него и устроилъ для него большую прекрасную клѣтку, съ открывающейся дверкой, изъ которой соловей могъ вылетать три раза въ день: одинъ разъ ночью и два раза днемъ.

Во время этихъ прогулокъ къ ножкамъ соловья привязывалось по ленточкѣ, и придворные держали его за нихъ, чтобы онъ не улетѣлъ.

Тяжело было бѣдному соловушкѣ примиряться съ этой новой жизнью! Сердце его рвалось на свободу, въ свой родной лѣсъ...

Между тѣмъ, весь городъ уже зналъ о соловѣѣ, и всѣ только и говорили, что о немъ. При встрѣчахъ люди даже забывали говорить другъ другу „здравствуйте!“ Они прежде всего восклицали „соловей“ и при этомъ вздыхали, многозначительно кивая головами...

Однажды императоръ получилъ откуда-то большой свертокъ, на которомъ было написано: „соловей“.

— Вѣрно, еще какая-нибудь книга о нашемъ соловѣѣ,—сказалъ онъ. Но въ сверткѣ оказалась не книга, а коробочка, въ которой лежалъ маленькій искусственный соловей, удивительно похожій на настоящаго. Только онъ весь былъ украшенъ драгоценными камнями, а на шеѣ у него была надѣта ленточка съ надписью: „Соловей императора японскаго — ничто въ сравненіи съ соловьемъ императора китайскаго“. Этого соловья надо было заводить—и тогда онъ тотчасъ начиналъ пѣть.

Весь дворъ былъ въ восторгѣ отъ чудесной игрушки, а вечеромъ императоръ пожелалъ, чтобы оба соловья спѣли что-нибудь вмѣстѣ.

Но изъ этого ничего не выходило: игрушечный соловей пѣлъ, какъ заведенная машинка, безъ всякаго выраженія, вольная же, свободная пѣснь живого соловья разливалась рѣкой и не могла итти вмѣстѣ съ точно отбиваемымъ тактомъ машинки. Вмѣсто дружнаго пѣнія—они только мѣшали другъ другу.

Тогда императоръ приказалъ, чтобы пѣлъ одинъ искусственный соловей.

Тридцать разъ пропѣлъ онъ одну и ту же пѣсню, и всѣ готовы были слушать его еще безъ конца.

Вѣдь онъ такъ красиво блестѣлъ своими украшеніями, и притомъ же нисколько не уставалъ! Императоръ былъ очень доволенъ.

Наконецъ игрушку остановили и рѣшили послушать теперь живого соловья. Но гдѣ же онъ? Его клѣтка оказалась пуста...

Пѣвецъ улетѣлъ въ свой любимый зеленый лѣсъ. Вѣдь, теперь онъ былъ здѣсь больше не нуженъ...

— Вотъ неблагодарная птица!—воскликнулъ императоръ, узнавъ, что соловей улетѣлъ.

— Ничего, у насъ, вѣдь, есть теперь другой соловей, который гораздо лучше его!—утѣшали императора придворные. И скоро всѣ забыли о прежнемъ любимцѣ.

Съ утра до вечера раздавались теперь во дворцѣ однообразныя пѣсни искусственнаго соловья. Всѣ уже знали ихъ почти наизусть, но это нисколько не мѣшало никому каждый разъ восхищаться ими такъ, какъ будто они слышали ихъ первый разъ.

Рѣшено было показать птицу всему народу. Въ слѣдующее же воскресенье ее завели передъ собравшимся народомъ. Успѣхъ былъ замѣчательный! Всѣ точно опьянѣли отъ удовольствія и въ одинъ голосъ восклицали:

— О!—и при этомъ подымали указательные пальцы вверхъ и кивали головами. Это была высшая похвала.

Только одни рыбаки, слушая игрушечного соловья, тихо говорили:

— Онъ красиво поеть, только все-таки въ немъ чего-то недостаетъ! А чего—мы не знаемъ!..—И имъ вспоминался другой соловей, который пѣлъ тамъ, на берегу моря, и отъ пѣсенъ котораго имъ такъ часто хотѣлось плакать...

Между тѣмъ искусственному соловью было очень хорошо во дворцѣ.

Онъ стоялъ на столикѣ, около самой постели императора, на мягкой, шелковой подушечкѣ, вокругъ него лежало много богатыхъ подарковъ, которые постоянно подносились ему—и при всемъ этомъ онъ носилъ почетный титулъ придворнаго пѣвца ночного столика.

Прошелъ уже цѣлый годъ послѣ того, какъ онъ появился во дворцѣ, а его пѣсни все еще не надоедали. Ихъ уже теперь распѣвали всѣ, даже самыя маленькія дѣти, и это доставляло всѣмъ очень большое удовольствіе. Иногда его раскрывали и смотрѣли, какъ вертятся колесики въ его животѣ въ то время, какъ онъ поеть.

Но вотъ однажды вечеромъ, когда императоръ, лежа въ постели, слушалъ соловья—внутри птицы что-то вдругъ затрещало, всѣ колесики быстро завертѣлись—и остановились... Онъ сломался!..

Тотчасъ же былъ позванъ докторъ, но онъ ничего не могъ сказать о болѣзни игрушки. Тогда позвали часовщика. Тотъ осмотрѣлъ машинку и сказалъ, что она сильно поломалась, и что онъ беретъ починить ее только съ тѣмъ условіемъ, что соловья будутъ заводить очень рѣдко, иначе онъ снова сломается.

Очень опечалился императоръ и всѣ китайцы! Теперь они могли слушать соловья только разъ въ годъ. Но оберъ-соловейщикъ, тотъ, который привезъ соловья, сказалъ имъ рѣчь о томъ, что теперь соловей

будеть пѣть еще лучше прежняго—и они успокоились.

Прошло много лѣтъ, и вотъ однажды въ Китаѣ случилась большая бѣда: императоръ опасно захворалъ... Доктора говорили, что онъ умретъ...

Какое горе! Императоръ, котораго всѣ такъ любили—при смерти!

Всѣ китайцы ходили печальные, со слезами на глазахъ и каждый день спрашивали старшаго камергера, живъ ли еще ихъ любимый императоръ?..

А императоръ лежалъ въ своей роскошной, золотой постели—блѣдный и неподвижный. Глаза его были закрыты; руки безсильно покоились на одѣялѣ...

Вокругъ него все было тихо-тихо...

Придворные рѣшили, что онъ уже умеръ, и потому никто больше не входилъ къ нему.

Онъ лежалъ одинъ, и тяжелыя видѣнія терзали его. Ему казалось, что на его груди кто-то сидитъ. Онъ съ трудомъ раскрылъ глаза и увидѣлъ передъ собой Смерть. Она, дѣйствительно, сидѣла у него на груди, и на головѣ ея была надѣта его корона, а въ рукахъ она держала его саблю и знамя. Съ ужасомъ глядѣлъ на нее императоръ и вдругъ увидѣлъ, что изъ всѣхъ складокъ бархатнаго полога на него выглядываетъ масса лицъ. Одни изъ нихъ были добрыя и ласковыя, другія же отвратительны и страшны. Они корчились и строили ему гримасы... Это были злыя и добрыя дѣла императора, которыя пришли напомнить о себѣ.

— Ты помнишь это?—А про меня не забылъ?—шептали они одинъ за другимъ, и холодный потъ выступалъ на лбу императора.

— Я не зналъ этого, не зналъ!..—стоналъ несчастный и наконецъ громко воскликнулъ:—Музыку сюда! Я хочу музыки!...—Пой же мнѣ, моя милая

птичка!—обратился онъ къ соловью.—Отчего ты не поешь? Развѣ я мало награждалъ тебя?!..

Но соловей молчалъ. Вѣдь его не завели, а самъ онъ пѣть не умѣлъ!

А Смерть все смотрѣла на императора своими страшными пустыми глазами, и во дворцѣ было тихо, какъ въ могилѣ...

Вдругъ за окномъ раздалось чудное пѣніе. Это пѣлъ соловей. Онъ услыхалъ о болѣзни императора и прилетѣлъ изъ своего лѣса, чтобы утѣшить его и облегчить ужасныя страданія умирающаго.

Онъ пѣлъ, и отъ его нѣжной, тихой пѣсни императору становилось легче, тяжелыя видѣнія постепенно отлетали отъ него, и грудь дышала свободнѣе.

Даже Смерть съ удовольствіемъ слушала соловья и, когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Продолжай же, продолжай, маленькій соловей!

— Хорошо, я буду продолжать,—отвѣчалъ соловей,—но прежде ты должна отдать мнѣ саблю, знамя и корону императора.

И онъ снова запѣлъ. А Смерть послѣ каждой новой пѣсни отдавала ему то, что онъ просилъ.

Когда она возвратила такъ всѣ вещи, принадлежавшія императору,—соловей началъ пѣть о кладбищѣ, гдѣ растутъ большія, красивыя деревья, гдѣ зеленѣетъ густая трава, и тихо возвышаются бѣлые кресты могилъ... Слушая эту пѣсню, Смерть вспомнила о своемъ любимомъ кладбищѣ, и ей захотѣлось скорѣе туда. Тихо поднявшись съ постели, она превратилась въ бѣлое облачко и исчезла изъ комнаты.

Глубоко вздохнулъ императоръ и, открывъ глаза, взглянулъ въ окно.

— А, это ты, мой милый соловушка!—воскликнулъ онъ.—Я только сейчасъ узналъ тебя! О, благодарю,

благодарю тебя, ты избавилъ меня отъ ужасныхъ мученій! Чѣмъ я могу отблагодарить тебя?

— Я уже получилъ награду,—отвѣтилъ ему соловей.—Еще тогда, когда я первый разъ пѣлъ тебѣ—я видѣлъ слезы въ твоихъ глазахъ. Это—лучшая награда для пѣвца. А потому,—прибавилъ онъ затѣмъ,—не думай больше обо мнѣ и постарайся заснуть, это необходимо тебѣ, чтобы завтра встать здоровымъ и бодрымъ. Спи, а я буду убаюкивать тебя! И соловей снова запѣлъ.

Крѣпко и спокойно спалъ императоръ, и, когда онъ рано утромъ проснулся,—онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Во дворцѣ все было тихо. Слуги были увѣрены, что императоръ умеръ, и потому никто не входилъ въ его комнату. А на деревѣ у окна еще сидѣлъ маленькій соловей.

— Останься у меня навсегда!—сказалъ ему императоръ.—Я не буду заставлять тебя пѣть тогда, когда тебѣ не хочется, но, когда тебѣ это будетъ пріятно—ты будешь пѣть мнѣ свои дивныя пѣсни. Останься, прошу тебя! А эту гадкую птицу я разобью...—И онъ протянулъ руку къ столику, на которомъ стоялъ его недавній любимецъ. Но соловей остановилъ его.

— Не надо ломать его! — сказалъ онъ. — Онъ вѣрно служилъ тебѣ и теперь не виноватъ, что сломался. Оставь же его у себя. А я—я не могу жить у тебя во дворцѣ, я слишкомъ люблю свободу и не могу жить безъ нея. Но я обещаю, что буду прилетать къ тебѣ иногда, когда захочется, и буду пѣть тебѣ обо всемъ, что дѣлается на свѣтѣ. Я буду рассказывать тебѣ о томъ, чего ты не знаешь, что скрываютъ отъ тебя, буду пѣть о бѣдныхъ людяхъ, которые живутъ далеко отъ тебя и которые, несмотря на всю свою бѣдность—счастливы, быть можетъ, счастливѣе тебя. Я буду садиться на это дерево и утѣшать тебя въ тѣ минуты

когда тебѣ будетъ грустно. Я люблю твое сердце больше, чѣмъ твою корону—и потому не предлагай мнѣ вознагражденій, я и такъ не забуду тебя. Но только я прошу тебя объ одномъ...

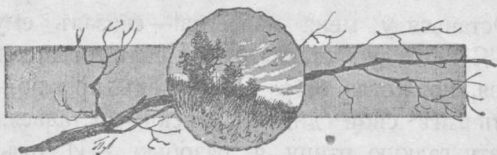
— Я сдѣлаю все, что ты захочешь!—воскликнулъ императоръ.

— Я прошу тебя не рассказывать никому о томъ, что у тебя есть другъ, который все говоритъ тебѣ. Повѣрь, что такъ будетъ лучше!

И, сказавъ это, соловей улетѣлъ.

Въ эту минуту въ комнату вошли придворные, чтобы поглядѣть на своего умирающаго императора.

А онъ стоялъ передъ ними и говорилъ: „Здравствуйте!..“

Принцесса на горошинѣ.

Жилъ былъ принцъ, и хотѣлось ему жениться на принцессѣ, но только *настоящей*.

Вотъ и поѣхалъ онъ по свѣту искать себѣ жену. Принцессъ было сколько угодно, да вотъ бѣда,—никакъ не могъ онъ убѣдиться, что онѣ настоящія! Ну, какъ ихъ узнаешь? Такъ ни съ чѣмъ и вернулся домой.

Горько было принцу,—ужъ очень хотѣлось ему имѣть женой настоящую принцессу. И вдругъ, разъ вечеромъ кто-то тихо постучался въ ворота. Король самъ пошелъ отворять. У воротъ стояла принцесса и увѣряла, что она самая настоящая!.. Но, Боже мой, въ какомъ она была видѣ! Вся въ грязи, вся мокрая; вода такъ и лилась съ волосъ до самыхъ ногъ. И все же она могла быть „настоящей“.

Королева подумала:—„Это мы сейчасъ узнаемъ!“, и ничего не сказавъ, сама отправилась готовить гостѣй постель. Она сняла съ кровати всѣ матрацы и прямо на доски положила горошину, а сверхъ нея—двадцать матрацовъ и двадцать перинъ.

На эту постель и уложили принцессу спать. Утромъ принцессу спрашиваютъ, какъ она почивала?

А принцесса въ отвѣтъ:—Ахъ, ужасно плохо! Почти всю ночь глазъ не сомкнула! Я лежала на чемъ то до такой степени жесткомъ, что даже синяки на тѣлѣ появились. Очень, очень плохо спала!

Ну, тутъ всѣ и увидѣли, что принцесса эта настоящая! Вѣдь, только самая настоящая принцесса и могла быть такой нѣжной, чтобы черезъ сорокъ тюфяковъ и перинъ почувствовать маленькую горошинку.

Наконецъ-то принцъ нашелъ то, что искалъ! Ужъ какъ же онъ былъ радъ! Сейчасъ же женился на принцессѣ, а горошину отправилъ въ музей; тамъ она и до сихъ поръ лежитъ, если только, конечно, ее никто не возьмъ.

Да, такъ вотъ какая была исторія!

Е Н Ъ.

На вольномъ просторѣ зеленаго поля цвѣлъ ленъ. Его нѣжные голубенькіе лепесточки трепетали на вѣткахъ, какъ крылья бабочки, и радовали взоры своею красотой. Хорошо ему было на волѣ! Тучки обильно поливали его теплымъ дождемъ, яркое солнышко ласково грѣло своими лучами, вѣтерокъ рассказывалъ сказки.

И росъ ленъ на славу:—высокій, густой, красивый.

— Боже, какъ я счастливъ,—говорилъ онъ травкамъ.—Вы посмотрите, какъ мнѣ хорошо! Какъ обильно питаютъ меня тучки, какъ нѣжно грѣетъ милое солнышко! Положительно, я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ!

— Радуйся пока,—скрипѣли колья сосѣдней изгороди,—молодъ ты и жизни совсѣмъ не знаешь. Ты посмотри-ка на насъ,—видишь, сколько сучковъ сдѣлала намъ жизнь? Мы прожили много и много знаемъ.

„Не успѣешь оглянуться,
Какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!“

— И совсѣмъ не конецъ!—возражалъ ленъ.

— Солнышко будетъ свѣтить и завтра, и завтра будетъ и дождь, и вѣтерокъ, и сказки. А я все расту, и все больше и больше цвѣтовъ распускается на моихъ стебелькахъ.

— Нѣтъ меня счастливѣе!

А „завтра“ пришли люди и вырвали ленъ съ корнемъ. Потомъ... Господи Боже, чего только они ни дѣлали съ бѣднымъ растеньицемъ! И въ водѣ топили, и мяли, и трепали, и чесали жесткимъ гребнемъ и, наконецъ, засадили въ прялку и начали тянуть изо всѣхъ силъ!

Но ленъ ни за что не хотѣлъ унывать и жаловаться. Сдерживая крики и стоны, онъ храбро выносилъ всѣ мученія и все твердилъ, улыбаясь сквозь слезы:

— Ну, что же? Не все же радоваться,—надо и пострадать въ жизни! Зато, навѣрное, поумнѣешь и приобрѣтешь выдержку. Все это имѣетъ смыслъ и, право, недурно.

А когда ленъ попалъ въ ткацкій станокъ и челнокъ съ шумомъ быстро забѣгалъ по основѣ, причиняя невыносимую боль, онъ тихо шепталъ:

— Ничего, ничего! Я такъ долго былъ безгранично счастливъ, такъ много видѣлъ радости,—надо же узнать и другую сторону жизни! Ничего!

И вдругъ изъ льна вышелъ чудесный, тонкій холстъ.

— Но, вѣдь, это же безподобно,—радостно воскликнулъ ленъ.—Ну, кто бы могъ ожидать этого? Вѣдь, я теперь не простое маленькое растеньице, которое росло себѣ въ полѣ и радовалось всему на свѣтѣ,—я теперь нѣчто весьма полезное. Положимъ, пришлось немного пострадать,—но зато какъ пріятно сознавать свое значеніе.

— Надѣюсь, это лучше, чѣмъ просто расти въ полѣ и цвѣсти маленькими голубыми цвѣточками. Кто тамъ обращалъ на меня вниманіе? А теперь ко мнѣ приставили служанокъ, которыя каждое утро перекладываютъ меня на другой бокъ и каждый вечеръ заботливо поливаютъ изъ лейки,—и сама пасторша говоритъ обо мнѣ не иначе, какъ съ похвалой, называя меня лучшимъ кускомъ полотна въ околоткѣ.

— Посмотрите, какой я длинный, бѣлый, какъ тонка и блестяща моя ткань! Положительно, я самое счастливое созданіе на свѣтѣ.

Полотно скоро взяли въ домъ и стали кроить и шить изъ него бѣлье. Его рѣзали ножницами, кололи иголками,—что было очень больно, но зато изъ него сдѣлали цѣлыхъ двадцать паръ той принадлежности костюма, о которой не принято говорить въ обществѣ, но которая положительно всѣмъ нужна.

И лень снова радовался; радовался и гордился.

— Такъ вотъ что, наконецъ, изъ меня вышло,—говорилъ онъ,—ну, можно ли быть недовольнымъ и помнить какую-то ничтожную боль? Вѣдь, цѣлая дюжина такихъ полезныхъ вещей! А быть полезнымъ,—вѣдь, это же и есть назначеніе жизни, ея смыслъ и радости! И за что только выпало на мою долю столько счастья!..

Прошло нѣсколько лѣтъ, и вся дюжина износилась.

— Хотѣлось бы мнѣ послужить еще немного,—говорило полотно,—но, вы видите,—я не могу больше,—такъ и расползаюсь въ куски.—Какъ хотите, невозможное всегда останется невозможнымъ!..

И вспомнилась ему пѣсенка изгороди:

„Вотъ и пѣсенкѣ конецъ!“

Но... произошло нѣчто неожиданное: разорванное на тряпки бѣлье попало въ котлы, вертѣлось, мялось, варилось и—превратилось въ тонкую бѣлую бумагу.

— Ну, знаете,—такого сюрприза я и ожидать не могъ!—говорилъ въ восторгѣ лень.—Просто себѣ не вѣрю! Это ли не счастье?

На бумагѣ написали чудесные рассказы, потомъ ихъ напечатали и въ тысячахъ экземпляровъ пустили по свѣту.

— Доставлять людямъ радость, будить въ нихъ мысль и чувство,—это ли не лучшее назначеніе въ жизни?—говорилъ лень.—Боже мой,—когда я росъ въ

полѣ маленькимъ, ничтожнымъ цвѣточкомъ, могъ ли я мечтать о такомъ счастьѣ? Кто знаетъ, можетъ быть, мой каждый цвѣточекъ расцвѣлъ прекраснѣйшею мыслью, которая озаритъ не одного человѣка! Положительно,—я счастливѣе всѣхъ въ мірѣ!..

Печатныя книжки разсыпались по всему свѣту, а рукопись осталась. Отдѣльные листы связали вмѣстѣ и положили на полку.

— А, вѣдь, очень недурно и полежать спокойно,—говорила рукопись.—Надо же собраться съ мыслями и хорошенько обдумать все прошлое. „Познать себя“,—вотъ теперь моя задача,—а что же можетъ быть важнѣе такого познанія?

— Да, это новое счастье,—и кто знаетъ,—не лучшее ли изъ всѣхъ прежнихъ?

Прошло много дней. Рукопись сняли съ полки и сушили въ печку. Въ ней, вѣдь, больше не нуждались.

Вокругъ печки собрались дѣти. Они такъ любятъ смотрѣть, какъ яркія искорки огня, вспыхивая то тутъ, то тамъ, бѣгаютъ и рѣзвятся, какъ маленькія, шаловливыя дѣтки.

И вотъ рукопись вспыхнула.

— Уффы!—сказала она,—и яркимъ столбомъ пламени взвилась кверху. Буквы раскалились до-красна, слова и мысли обратились въ пламя.

А когда оно погасло,—по мягкой черной золѣ долго еще перебѣгали отдѣльные золотые огоньки.

Дѣти хлопали въ ладоши и кричали:

„Не успѣешь оглянуться,

Какъ и пѣсенкѣ конецъ“!..

Но въ томъ-то и дѣло, что пѣсенка никогда не кончается! Только дѣти не могутъ этого понять, да это и не нужно: вѣдь, не все же надо знать дѣтямъ.

25618

484
604

